

А.П. Бестужев-Рюмин

Письмо канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина сыну Андрею, 1759 г.

[21.124]

Вступительная статья К.А. Писаренко.....	1
Письмо отца к сыну-мажорику. Завещание	3

Вступительная статья К.А. Писаренко

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693—1767), знаменитый российский государственный деятель XVIII в., сын Петра Михайловича Бестужева-Рюмина (1664—1743), гофмейстера и фаворита герцогини Курляндской, будущей русской императрицы Анны Иоанновны.

В возрасте девятнадцати лет начал службу дворянином посольства при князе Б.И. Куракине, посланном Петром в Утрехт, где государства, воевавшие друг с другом за испанское наследство, договаривались о заключении мира. Спустя год, видимо, не без протекции князя Куракина, Алексей Петрович становится камер-юнкером курфюрста Ганноверского Георга, которого в 1714 г. англичане пригласили в Лондон в качестве английского короля Георга 1. При британском дворе Бестужев обретался три года, после чего возвратился в Россию...

Граф Андрей Алексеевич Бестужев-Рюмин (?—1768) отличался на редкость взбалмошным и буйным нравом, усугублявшимся пьянством. Карьера Бестужева-младшего складывалась вполне удачно исключительно благодаря заслугам отца. И Елизавета Петровна, и Екатерина II жаловали чинами отпрыска четы Бестужевых, идя навстречу просьбам главы семейства. Даже первое венчание Андрея Алексеевича 22

февраля 1747 г. с юной племянницей А.Г. Разумовского, Авдотьей Денисовной Разумовской, было по большому счету событием политическим. Брак в первую очередь содействовал укреплению значения и положения Бестужева-старшего при Дворе.

Впрочем, молодожёны прожили вместе немногим более двух лет. 14 мая 1749 г. супруга Андрея Бестужева скончалась, и молодой вдовец опять пустился во все тяжкие.

Ни опала отца в 1758 г., ни смерть в 1761 г. матери, Анны Ивановны, урождённой Беттигер, не образумили дебошира. Наоборот, в Горетово он со скуки буянил с ещё большим безрассудством. Понадобилось вмешательство Елизаветы Петровны, которая пригрозила взять под стражу сына, без конца третирующего родителей.

Освобождение от ссылки ничего не изменило. Отец попробовал утихомирить Андрея второй женитьбой, на княжне Анне Петровне Долгоруковой. Тщетно. Супруги через год после свадьбы разошлись.

И закономерный финал семейной драмы наступил: Бестужев публикуемым здесь письмом уведомил своего отпрыска, что больше не намерен жить с ним под одной крышей.

Письмо отца к сыну-мажорику. Завещание

Письмо канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина сыну Андрею Алексеевичу Бестужеву-Рюмину,

1759 г.

Сын мой, граф Андрей Алексеевич!

Сколько ни наскучило уже мне вести с тобою досадительную и бес того переписку, не поведение, а паче поступки твои со мною, принуждают меня оную возобновить, а особливо же для объявления тебе того намерения, которое я поневоле о тебе принял и которому ты сам причиною.

Недоста{н}ет мне слов описать, колико я и покойная моя жена, а твоя мать от тебя с самой почти твоей юности ослушаней, непочитаней, огорченей и самых озлобленей претерпели доволно, что невозмогши тебя сами поправить, приносили жалобу Ея Величеству , в бозе опочивающей Государыне императрице Елисавете Петровне, которая, умилосердясь на наше горестное состояние, изволила нарочно в дом ко мне присылать обергофмейстера барона Миниха¹ свой гнев тебе за что в присутствии нашем объявить, а при том и все хиромантические и другие всяким суеверством наполненные книги, в которых ты тогда болше упражнялся и шали научился, отобрать с таким прибавлением, что естли далее шалить станешь и нам повиноватся не будешь, то подвержен быть имеешь всей строгости родительской над тобою власти.

Излишне же упоминать и о протчем твоём прежнем, не токмо не приличном, но и самом развращенном поведении и поступках, потому что оные и так почти всей публике известны, чего для довольствуюсь на память тебе привести токмо последующее и доньне продолжаемое твое поведение {и поступки}, и что я от тебя {как} обще с матерью претерпел, так и один еще претерпеваю.

В неповинное мое злоключение², когда мы в деревнях своих находились, вдавшись ты в безпрестанное пьянство и тщеславяся носимыми на себя знаками чести — шпагою и кавалерскими орденами — {усугубил ко мне и к покойной своей матери не токмо свои непочитании и оскорблении, но к тому присовокупил и самые злословии}, называя часто меня государственным плутом и изменником, а мать свою таким именем, какого память ея и изобразить не дозволяет. И произнося сии и тому подобные ругательства при

---

¹ Миних Христиан Вильгельм (1688— 1768), барон, брат фельдмаршала Б.Г. Миниха, с 1742 г. обер-гофмейстер императрицы Елизаветы Петровны.

² Бестужев имеет в виду годы ссылки в селе Горетово (1759—1762).

всей караулной воинской команде и при моих собственных служителях нарочно на русском языке, чтоб всяк оные разумел.

А сверх того, с некоторыми моими холопами сообщая, их противу меня подущал, а других, от тебя уклоняющихся, многократным разглашением страдал, что я скоро в Камчатку сослан буду, и что ты толко их помещик и господин останешься. Умалчивая о том, что в пьянстве мне самому тростью граживал, а за матерью и за многими моими служителями и с шпагою гонялся. И не упоминая о других твоих от пьянства ж происходящих продерзостях, о которых не токмо весь мой дом и все тамошнее многолюдное село, но почти и весь Можайской уезд засвидетельствовать могут.

И хотя по учиненному о том от караулнова офицера майора Аршеневского репорту прислан был к нему в 1761-м году за рукою Его Сиятельства генерала-фельтмаршала графа Александра Ивановича Шувалова³ монаршей (именной) указ тебе объявить, что естли (ты) впредь радителям своим послушен не будешь и их по прежнему озлоблять станешь, в тако{во}м случае им власть дается не токмо снять с тебя шпагу и кавалерии, но естли для лутчаго усмирения за нужно усмотрят, и в пустую избу запереть.

Однако ж, немного времени прошло, как ты несмотря на выше изображенной указ, так и на чинимые тебе от родителей и от общаго нашего духовника многократные увещевания, но паче но натуральную радительскую любовь полагаясь, вместо поправления начал опять пьянствовать и своими продерзостями продолжать так, что наконец показанными матери своей, а особливо в последние дни ея болезни, самыми несносными досадами немало и смерти ея способствовал.

Того не доволно. Ты кажетца предпри(н)ял и мою жизнь таким же образом прекратить или, по крайней мере, укоротать. По освобождении моем из неповинного заключения и по возвращении твоём к Москве, не токмо тамо, но и в Санкт Петербурге, и в деревне моей, Каменном Носу⁴ принелся ты опять за непрерывное пьянство и за новые {разные} мне самому оказуемые чувствительныя и самыя несносные огорчения и оскорбления так, что, хотя по моим увеща(ва)ниям временем опамятовавшись в том раскаивался и неоднократно, так на словах, как и самыми собственноручными, в подлинниках у меня для избличения тебя хранящимися писмами, в том винился, прощения просил и заклинался, однако ж скоро после забывая или презирая не толко того не покидал, но паче опять продолжал.

Умалчивая о разных других от пьянства происходящих, наказания достойных шалостях, безчинствах и продерзостях, как например, многих по дружбе меня посещающих и других, в доме у меня живущих и вхожих, не без знатных людей сумазбродством своим

---

³ Шувалов Александр Иванович (1710—1771), двоюродный брат «фаворита» императрицы Елизаветы Петровны И.И. Шувалова, с 1746 г. граф и глава Тайной канцелярии.

⁴ Загородная мыза Каменный нос или Каменный остров, принадлежавшая ранее А.И. Остерману (32 души мужского пола и 32 души женского пола при доходе 182 руб. 20 коп. на середину 1740-х гг.) была пожалована А.П. Бестужеву-Рюмину после подачи челобитной с соответствующей просьбой в апреле 1746 г. (РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 38. Ч. 2. Л. 265—266).

оскорблял и обижал. В отлучение мое из дому в деревню, лутчих моих служителей неповинно ругал, бил и ковал. А других, в шалостях тебе помогающих с собою за стол сажал. Часто в пьянстве целые ночи по всему дому прохаживал и к каждому в покои стучая, беспокоил.

А несколько кратно и меня самого и бес того болнаго и дряхлаго старика минувшаго лета на Каменном носу тревожил и пугал, ломаясь пьяной и в ночное время (к) тем моим служителям, которые в другой от меня горнице спят, так, что, когда я тебя как сума шедшаго в свой покой отвести приказывал, ты меня при всех моих людях наизявительнейшим образом бранил и ругал.

Особливо же 25 числа минувшаго февраля месяца в санктпетербургском доме до смерти бы меня перепугал, естли б я, утомясь от мучительной моей каменной болезни, по щастию на тот час крепко не заснул, когда ты за полночь к бывшему у меня в должности камердинера холопу моему Ивану Белому, перед мою спальню пришед, превеликой шум зделал, как о том на другой день сам же он при четырех других писменно мне то засвидетелствовавших служителях рассказывал с присовокуплением еще такой твоей продерзости, за которую или тебя на цепь посадить, или его публично кнутом высечь надлежало б. Хотя из сожаления к тебе, я его по самом малом дома наказании толко на поселение в Сибирь отдал.

В прибавок же ко всему выше изображенному, забыв ты Бога и его святые заповеди, також и презирая сыновней долг, не усрамился взвести на меня и самую клевету и злословие. А имянно: воспользовавшись случившимся со мной прошлого года летом на Каменном носу от нестерпимой каменной боли делирическим припадком, не токмо тот час по всему городу, но многим и при самом дворе в поношение и посмеяние мне разглашал и рассказывал, якобы я с ума сошел, хотя все в доме у меня живущие не толко служители, но и посторонние знают, что того со мною не было, и что я, сколько Бог дал, ума еще не лишился и не потерял. А напротив, того тебя по твоему пьянству, бесчинствам и шалостям подлинно с ума шедшим назвать и почитать можно.

По таковым твоим развратным и, конечно, с ума шедшим поступкам не мог я обойтись, но паче за долг поставлял зделать тебе 9{-го числа} минувшаго марта месяца последнее крепкое на письме увещ{ев}ание с точным и подробным показанием всей выше изображенной истинны и с угрозою, что в случае дальних твоих оскорблений, беспокойств, продерзостей и пьянства принесу на тебя жалобу самой Ея Императорскому Величеству всемилостивейшей нашей государыне⁵. И хотя ты в ответ на то собственноручным же равномерно для избличения тебя в подлиннике у меня хранящимся пространним письмом от 19{-го} (числа) того ж месяца марта не токмо во всех своих помянутых худых делах и поступках подробно и обстоятельно признался, винился и прощения просил с новыми клятвами, что впредь совершенно от того

---

⁵ Екатерина II (1729—1796), императрица с 1762 г.

воздержись и, поправя свою жизнь, притчины мне более не подашь тобою недоволену быть, а того менше на тебя жаловаться.

Но и тут немного ж времени прошло, как ты опять не токмо за пущее пьянство и горите и гораздо отважнейшие мне оскорблении, но и {за} самую явную против меня злобу взялся.

А главнейше, с вышепомянутого моего за рукою моею тебе данного писменного увещ{ев}ания, знаю я, зделав ты выписки на многие во абличение тебе служащие пункты, а особливо о вышепоказанном об тебе в деревни наши к маиору Аршеневскому присланном указе, выпустя, да и все содержание развратно истолковав, роздавал оные по породе твоим приятелем в жалобу на меня с прибавлением еще таких новых клевет и поношеней, якобы я тебе недоброхотствую и совершенно изгоняю; якобы не полушки денег на необходимыя твои расходы не давал и якобы на последок и старых твоих долгов платить отрекаюсь.

Неоснователно подобных на меня в(о)зводимых клевет, хотя само собою и тем одним доказывается, что никакой мне прибыли нет и быть не может недоброхотствовать и угонять сына которого я только одного, хотя к сожалению по твоим поступкам весьма неудачнаго имею. Но ты не без известен, колико я при самом возвращении моем из неповинного заключения и при самом первом Ея Императорскому Величеству благодарении за сие мое освобождение, забыв все твои противности, за тебя просил и заступал так, что тому и показанную тебе при короновании Ея Императорского Величества милости повышением чина приписывать должно, как и действительно она единственно в рассуж(д)ении моих заслуг тебе показана и о чем точно в печатном указе изображено.

Да равномерно ж не упустил я и при отъезде Ея Императорскаго Величества из Москвы в Санкт Петербург сколько по моей старости, столко ж и по тогдашнему слабому моему состоянию за тебя ж предстательствовать и, по мне (в) высочайшую милость и монаршее покровительство, препоручить. А что до платежа твоих старых долгов касается, то из нижеследующаго, как твое напрасное на меня поношение, так и самое причины принетых мною в том как для меня, так и для тебя ж предосторожностей усмотрятца.

В прежнее время моего благополучия и когда ты еще сверх получаемого от двора каморгерскаго жалованья и в прибавок ко всему домашнему готовому получал от меня особливо {по} полтары тысячи рублей в год или по сту по дватцети пяти рублей на месяц, да ко всем знатным праздникам по новому платью, наделал ты (а особливо по случаю посылки твоей с женою к венскому двору⁶, обще с твоею матерью, которая по своей к тебе излишней и вредной горячности или лутче сказать потворству, тебе в том помагала без моего ведома, а наипоменше позволения) на самые безпутныя и мотовския издержки

---

⁶ Поездка А.А. Бестужева-Рюмина и его жены А.Д. Разумовской состоялась в 1747—1748 гг.

такие превеликия долги, которые я хотя на себя и перенял, но не для того, чтоб к тому обязан был, а чтоб только чрез то общую нашу честь сохранять.

Однако ж сам собою отнюдь платить не {воз}мог бы, естли б не подпал известному на мне бывшему пятидесят тысячному казенному долгу, которая сумма в самом деле не толко вся за вас пошла. Но я еще и сверх того, сколко мог себя обрывая, за вас в то число до ныне уже с лишком сто тысяч заплатил. Как и доказать могу, что чрез одну кантору (барона) Волфа до сорока тысяч рублей к тебе з женою переведено, да здесь заплачено вдруг дватцать две тысячи рублей по одному толко на меня из Дрездена присланному и тобою и покойною невесткою подписанному векселю. Умалчивая о точных долгах покойной моей жены, а твоей матери, которые для тебя ж наделаны, и {с} которых я также шесть тысяч же заплатил. А еще девять тысяч восем сот рублей в Волфову ж или нынешнюю Риттерову кантору заплатить надлежит.

Совсем тем не упустил бы я и остальные, как {покойной} твоей матери, так и твои подлинно старые долги, которых вообще и сколко еще известно немалая сумма наберется, уже давно вдруг заплатить и от того одинажды отдела{е}тся, естли б нынешнее мое разоренное состояние мне то учинить дозволяло. Но как ни есть удалось бы уже может быть мне сии ваши старые долги, а притом и свои, особливо же остальные за дом дватцать тысяч рублей еще при моей жизни исподовол, а по нужде хотя продажею нескольких деревень аплатить, естли ж сам же ты препятствия {мне} в том не нанес.

Во-первых, озляся на меня, бутто я толко из недоброхотства к тебе, а не в собственную {ж} твою ползу и не для оплаты твоих же долгов назначил в продажу два села з деревнями и, ползуясь во всем против меня руководством некоторого до ныне в дом мой по своему званию и за денги ездившаго, а твоего искреняго и задуш(ев)наго друга и собеседника, употребил ты все возможное старание и собою и чрез него сей продаже мешать и препятствовать. Как и действительно, не токмо не токмо помянутой твои друг, но, сколко примечено, по ево ж научению и другие два его приятели знатные персоны своими происками, хитростями и внушениями толико уже предупели, что сколко здесь и в Москве хороших купцов не было, всех отбили и отогнали. Да в том, может быть, твой друг и особливую им угодность и должение делает, потому что у одного из них есть от тебя давнишние вексели, тысяч до десяти рублей проигрышных денег, и что оне чрез то сими денгами себя обнадежить ищут, ведая, что иногда по смерти моей начитая чрез немалое время проценты на проценты и с лихвою получают. Так что из того и помянутому стряпчему довольно достатся может.

Сверх же того на меня самого ссылаюсь, что и ныне ты все по твоему званию готовое в доме у меня имеешь. А в прибавок к тому с самого возвращения моего из неповинного заключения по пятидеят рублей в ммесяц на собственные твои мелкие расходы от меня чрез немалое порядочно и исправно получал. Да и далее получал бы, естли б такого своеволства не употребил, что без моего ведома, а толко по согласию с тем

штапафицером, которой прежде у меня управителем и поверенным был и которой еще в пятидесят пяти тысячах рублях и в других важных расходах (еще) несочтен, сам собою из моих денег более тысячи двух сот рублей забрал.

Умалчивая, что, когда тебе и болше вышепомянутых от меня определенных пятидесят рублей на месяц понадобилось, ты в том никогда отказу не встречал. Так что и недавно в два раза по сту рублей от меня без всякого прекословия получил. Но ты всем тем не довольствуясь, не токмо почти все свои золотыя и бриллиантовыя вещи частию заложил, а частию распродав употребляя денги сколко на мотовство, а болше на подарки своим приятелем. Как между оными и выше помянутому холопу моему Ивану Белому тысячи на полторы рублей золотых же и бриллиантовых вещей надавал. А в том числе такую подлость и такое презрение к покойной матери твоей оказал, что перстень с партретом ее, бралиантами осыпанной, тому ж холопу подарить не устыдился. Не уважая при том, что на груди ее, как гофмейстерины и статс-дамы партрет Ея Величества в бозе опочивающей государыни императрицы Елисавет Петровны изображен.

Да, что еще горше, воспользовавшись ты объявленным от меня в газетах и производимым платежем старых долгов, которых по ныне десять тысяч семьсот тритцать девять рублей за тебя одного заплачено, стал делать к своему и моему новому разорению на {не} подобные ж безпутные и мотовские расходы новые немалые долги, подписывая в том, как вексели, так купецкие и мастеровые щеты старыми, лет за восемь, числами, дабы оные чрез то, между действительными старыми твоими долгами почитались, а не казались, что вновь и после уже моей вышепомянутой в газетах внесенной публикации зделаны, и дабы ты во всжом случае впред осуждение и к бесчестию моему отговорку иметь {не} мог, бутто я, {и} обещав газетами, старых долгов не плачу, как и действительно являющиеся ко мне {с тем} остальные твои кредиторы платежа подобных долгов по твоему научению под именем старых требуют.

Каковые обстоятельства, а особливо последнее, натурално меня принудило платеж сих твоих так {как} называемых старых долгов не токмо остановить, но и ко всем отказать. С одной стороны для того, чтоб сим способом кредит твой у заимодавцов умалить и не допустить, чтоб ты нахватывая болше долгов, себя и меня разорял. А с другой стороны и потому, что будучи подобные долги без моего ведома и воли деланы, я оные и не обязан.

При всем же том, сколко ты сам собою по своему достаточному, но в худо толко употребленному, разуму непрворен, но не меньше чувствительному моему оскорблению, есть и посторонние люди, а особливо вышепомянутой твой задушной друг, которые тебя, конечно не даром, не только на все худые дела и происки наставляють и побуждают, но особливо {последней} старается и кредит тебе заимодавцов изыскивать и доставлять, находя тут и сам свой щет. Потому что он, можно сказать, тебя как корову доит, чему и в доказателство служит, что многие принесенные

от купцов и от портного щет(ы) состоят болшею частию в таких вещах, товарах и платьях, кои толко ему с фамилиею от тебя подарены и на них же толко деланы.

Умалчивая, что сей же последней и ты, по равным склонностям и по сходству нравов, безпрестанно на пред сего друг у друга бывая, толко что пьянствовали, доходя до подлости, что в свои пьяные, но для меня без сумнения злыя беседы в доме у меня и того холопа приглашали и з собою сажали, которой как выше изображено от тебя толь щедро одарен. А когда ты у него в гостях бывал, то и пуще никогда трезвой не токмо домой не возвращался, но часто от него ж и ко двору пьяной приезжал. Особливо же в бытность мою прошлого лета на Каменном носу, отпросясь на празничной день в город, чтоб тамо в доме моем начевав, на утрее ко двору ехать. Но пробыв всю ночь у того ж твоего друга (сидел и), {не} токмо домой приехал уже в пятом часу по утру пьяной, но с тем и во дворец поехал, где тебя много знатные в сем состоянии видели. А между тем, того ж утра в доме моем разбил и безвинно на цепь посадил самого лутчаго моего слугу, дварецкаго Степана Нагаева, которой за свою ко мне верность в самом начале неповинного моего ареста от покойного генерала-порутчика Нащокина безвинно жестоко истязан был и претерпел. О чем я, наконец, принужден был и вышепомянутому твоему {искреннему} другу сам персонално выговаривать, да и подаренной тобою холопу моему Ивану Белому перстень показывать, дабы он и с того поведение твое увидя, от тебя отстал.

И хотя за все сии худые твои дела и злословии на меня мог бы я без всякого размышления поступать с тобою, яко с недостойным сыном так, как власть родителя дозволяет, и как божеские и светские права повелевают. Но и тут родительская горячность над строгостью справедливаго твоего наказания толико превозмогла, что я, особливо в разсуждении знатнаго твоего характера, предпри(н)ял бы(ло) толко принести на тебя всемилостивейшей нашей государыне императрице писменную жалобу, а потом тотчас послать тебя в пошехонские мои деревни и тамо пред караулом содержать до тех пор, пока я удостоверился бы, что ты на истинной путь уже обратился.

Да и в самом деле, сия на тебя жалоба была уже с прописанием всех твоих выше изображенных похождения сочинена. И не токмо на бело переписана, но и мною 30-го числа минувшаго мая месяца подписана. Так что по моему в том по неволе принятому твердому намерению оставалось толко оную обще со всеми твоими для изобличения тебя у меня хранящимися оригинальными писмами запечатать и того ж числа на вечер Ея Императорскому Величеству всенижайше поднести, а тот час потом и тебя самаго в деревню под караул послать.

Но ты можешь назватца щаслив и прещаслив, что в самое то время, когда сия справедливо заслуженная судьба над тобою висела, оную отвратил. А имянно тем, что

того ж полудня, следовательно за два {толко} (или за три) часа до действительного исполнения помянутого моего намерения, нечаенным образом ко мне пришел, вновь (в) своих п{е}редо мною погрешениях прощения просил и, объявляя мне свое желание о вступлении в брак с нынешнею твоею невестою княжною Анною Петровною Долгоруковою⁷, получил от меня не токмо во всем отпущение, но и родительское в твоём предприятии благословение. А сверх того, для обручения с твоею невестою и перстень (около четырех тысяч рублей ценю), в чем ты того ж вечера поехав к сей твоей невесте действительно на оной помолвил, а потом и формално с нею обручен.

На сие твое {мне} объявленное намерение столь приятнее было мне согласоватца, что ты у меня, каков ни есть, один и что мне натурално желателно тебя на истинной путь обращенным, а еще паче ко уменьшению моему при последних уже днях почти женатым и потомство имеющим видеть. Особливо же выслуженного в разсуждениями предками твоими графского достоинства, которое инако с тобою кончится. А сверх того ты сам справедливость мне отдать должен, колико кратно я тебя издавно и чрез многие годы о женитьбе твоей родительски советовал и колико же сам собою и чрез других о сем старался, хотя, к сожалению, все мои в том употребленные труды всегда тщетными оставались или, может быть, от тебя ж самого или от вышепомянутых твоих друзей по каким их в том видать, тщетными чинены были.

Как то ни было, нынешнему твоему брачному обязательству искренне я радовался. Да и радоватца причину имел, сколько по надежде о твоём чрез то установлении, столько же по тем похвальным качествам, какие в персоне твоей обрученной невесте, а моей будущей невестки, княжны Анны Петровны Долгоруковой, и сам усматриваю и от всех посторонних слышу, честь уже она особое почтение от меня не токмо приобрела, но и о продолжении онаго сумневатца не может, а паче по тем удостоверительным опытам, которые {уже} я ей о том и о моем к ней усердии подал.

Но между тем, сия моя радость и надежда гораздо умяляются, видя к новому и крайнему сокрушению, что ты и после сего для тебя благополучного, а для меня приятного произшествия, (забыв все клятвы вместо ожидаемого поправления), не токмо прежнее свое состояние, но и прежния ж со мною поступки возобновил и до

---

⁷ Долгорукова Анна Петровна, дочь генерал-майора Петра Сергеевича Долгорукова (1721–1773) и Софьи Петровны Апостол. Анна Сергеевна и Николай Сергеевич Долгоруковы родные сестра и брат отца невесты, дети Сергея Петровича Долгорукова и Ирины Петровны Долгоруковой, урожденной Голицыной, обвинявшейся в 1746 г. в принятии католической веры.

А. А. Бестужев-Рюмин и А. П. Долгорукова обвенчались 19 октября 1765 г., но уже в 1766 г. разошлись и жили раздельно (РГАДА Ф. 285. Оп. 1. Д. 8751. Л. 2).

ныне продолжаешь таким образом, что опять и по самой справедливости назвать тебя могу недостойным сыном и сущим Авесоломом.

Буде бы все оное подробно описывать здесь, на то не достанет мне и времени и еще нескольких тетрадей бумаги, чего для я толко о некоторых упоминаю.

Не знаю, прошло ли и несколько дней по совершении твоего зговора, как ты начал опять по часту пьянствовать, а при том {с} того ж времени неведомо чем, но приметно возгордясь, стал вновь мне самому разные огрчени и непочтении с новыми на меня клеветами поношениями и самыми злословиями, а родственникам моим, от крови которых ты приходишь, явное презрение и несносное ругателство оказывать. Даже до того, что их от меня и от дому моего всех отогнал.

Как и в самом деле, приехал ты вскоре после зговора пьяной в дом (к) брату моему адмиралу Ивану Лукьяновичу Талызину⁸ звать ко мне на другой день на обед, сверх разных шалостей и безчинств, о которых и ска(за)ть неприлично, обесчестил и (раз)ругал супругу его Ирину Ильиничну таким нетерпимым образом, что щастлив, что на то время по болезни своей (Иван Лукьянович) спал, которой инако тебя за то не токмо из горницы выбить, но и с лесницы збросить хотел, да и право имел. Как оне сами ко мне о том жаловатся и сказ{ыв}ать присылали.

А хотя, наконец, по моему заступлению и по испрошении от тебя самага прощения они тебе твою продерзость и упустили, но совсем тем с самого (этого) случая в дом ко мне уже не ездят, да и ехать уклоняются, опасаясь, что ты в моем доме и пущие (иногда) им без чести причинишь, как сему ж опасению и то приписывать надобно, что оне нарочно для неприсудств{ован}ия на твоей свадьбе в деревню уехали.

Что ж от тебя еще недавно, а имянно 21-го числа минувшаго июля месяца в доме моем, здесь, на Каменном носу произошло, о том я распространятца не буду, потому что лутче мне сослатца на всю тогда у меня бывшую компанию. Сама Ея Сиятелство княжна Анна Сергеевна Долгорукова, будущая твоя тетка, которая тогда же з братом своим князем Николаем Сергеевичем, с невестою твоею и ея сестрою да с любским агентом господином Виллебрантом посещением своим меня почтили, засвидетелствовать не отречется, каков ты толко один был пьян еще за обедом; сколко напился вновь после обеда и какие от того в присутствии их, моем и всех протчих гостей делал гаткие и безобразные шалости и безчинства с прибавлением и самых продерзостей. А имянно, во первых, тот час после стола помянутого агента, а потом в саду {господина} генерала

---

⁸ Талызин Иван Лукьянович (1700—1777) двоюродный брат А.П. Бестужева-Рюмина, адмирал, член Адмиралтейств-коллегии. Отец канцлера Пётр Михайлович Бестужев был женат на Евдокии Ивановне Талызиной — сестре Лукьяна Ивановича — отца адмирала Ивана Лукьяновича Талызина.

порутчика Вертерна и особливо супругу его язвительно разругал, да и князь Николая Сергеевича гораздо тронуть не оставил, как они о том лутче сами сказать могут.

Я доволствуюсь токмо то присовокупить, что когда Ея Сиятельство княжна Анна Сергеевна с принадлежащими ее на вечер домой отъехала, а я с остальными гостями ужинать стал, ты, севши подле помянутой генералши Вертерновой и напившись почти до безчувственности, сверх новых сей своей соседке ругателств нарочно и с необычным смехом опрокинул пред собою, следователно и пред нею, на стол по скатерте целой караф красного вина. А потом другой такой же взяв, пред стол вылив и тем едва платья ее и других не замарал. К чему в пополнение и такую еще наглость зделал, что когда после ужина генерал порутчик Вертерн з женою домой поехал, а племянница моя генерал майора княгиня Родионовна Волконская⁹ з двумя дочерьми еще в покоях у меня осталась и со мною разговаривала, ты безчинно или лутче сказать безобразно к ней при мне прибежав и сказав, что ей пора домой ехать, потащил ее за руку вон из горницы, так что и действительно она домой ехать принуждена была, дабы иногда от тебя и болших грубостей недождатца.

Но что особливо до клевет, поношения и злословия твоего на меня касается, тому весма свежей опыт здесь следует.

Ея Сиятельства княжна Анна Сергеевна, будущая твоя тетка, которую я по случаю ее прошедших именин накануне, то есть 24-го числа минувшаго июля месяца, поздравить да табакерку подарить обретающаго{ся} при мне господина капитана Варенина посылал, поруч(ил)а ему конечно и без всякого сомнения по твоему оболганию и оклеветанию мне в жалобу сказать, якобы {я} тебя дома неволею держу и даже к самой невесте не отпускаю, а того болше, якобы тебя в бытность твою в доме моем нарочно поят, как она (то) бутто сама помянутого 21-го числа июля приметила, обвиня в том главнейше племянника моего, а твоего двоюродно(го) по матери брата майора Беттигера, которой бутто особливо тогда после обеда умышленной тебе повод подал с господином генералом порутчиком Вертерном один на один перепиватца, как с такою персоною, которой бутто и без того по ея названию записной пьяница.

Подобную повесть слышать, признаюсь, крайне чувствително мне было, потому что она с одной стороны никакого основания не имеет и иметь не может, а з другой и не сносную мне и самому обиду причиняет, как из ниже следущаго усмотрица.

---

⁹ Волконская (урожд. Кошелева) Маргарита Родионовна (?–1790), супруга генерал-майора Алексея Никитича Волконского (?–1781). У Волконских было три сына — Михаил, Николай, Пётр и три дочери Екатерина (1754—1829), Варвара (1760—1827) и Анна (1762—1828).

Возможное ли дело, чтоб я усердствуя о твоём бракосочетании, не пускал тебя к невесте, когда, на тебя (самого) ж ссылаюсь, что со времени переезда моего сюда, в деревню, живешь ты для удобнейшаго посещения невесты в городском моем доме не толко по целой неделе, но и более.

Так что не токмо меня навестить не приезжаешь, но и о здоровье моем чрез кого-либо не наведываешься, хотя ты совершенно знаешь, что я по моей старости, дряхлости и безпрестанным жестоким болезненным припадкам почти ежедневно при смерти нахожусь. А теперь, наконец, (ты) и со всем там{o} основался, так {и} что и для самых твоих же свадебных распорядков и приуготовленных на силу тебя когда сюда дозватца могу. Хотя тем не менее ведаю, что ты тамо по ночам безпрестанно пьянствуешь, а вино ис трактира покупаешь.

Станется ли и то, чтоб ты у невесты своей редко бывал, когда все мои тамошние, а особливо при тебе обретающиеся служители засвидетелствовать могут, что ты всякой почти день к ней ездешь. Да {и} не имеешь ли к тому способов, когда на весь же мой дом ссылаюсь, что я для тебя по случаю сих посещеней нарочно шесть наемных емских лошадей почти до ныне держал. А когда на последок оные за дороговизной и за излишними расходами отпущены были, всегда ж в город(е) два цуга моих собственных для тебя нарочно находились, которых ты почти в двои толко сутки (до того) измучил, что пять лошадей из них и с места {долго} не вставали, так что затем недавно принужден ты быть сам отсюда к невесте уже на моей шлюбке ехать.

Умалчивая, что от необыкновенной (езды) и (из)за (о)прометчивой скачки две кареты почти совсем испортил, а по меньшей мере оси и колеса впрах переламал. Да какая мне и полза тебя дома держать, когда ты от невесты всегда трезвой возвращаешься, а домой, особливо же сюда, ко мне, лишь при{е}дешь, то без просыпа пьянствуешь, так что, когда или людей моих у шенка приставленных, или у кого толко вино на руках, хотя б то полночь было, (не) найдешь, то их ищешь и будишь, а иногда за ними и со шпагою гоняешься, чтоб тебе толко вина дали. И так лутче не для того ли ты иногда на несколько дней в доме у меня, хотя сам собою, а не по-моему приказу, остаешься, чтоб тебе толко временем вытрезвитца или же иногда и пьяная сия болезнь тебя дома у меня здесь задерживает.

Но существительная и крайняя мне обида состоит в том, что Ея Сиятельство княжна Анна Сергеевна, будущая твоя тетка, жалуется, будто тебя в доме у меня нарочно поят. Я не знаю, что она тем точно понимает, но буде, паче чаяния, думает, что я сам тебя нарочно пою или поить приказываю, то поставляет меня недоброжелательным самым отцом к собственному моему сыну. Следовательно, напрасно и несносно меня обижает. А естли и на других кого метит, то не менее ж меня безчестит, тем паче, что без всякого к летам и к характеру моему уважения.

Не знаю, за кого меня считает, когда мнение {свое} изъявляет, будто бы я мог стерпеть, а того менее допустить сына своего в доме у себя нарочно поить, (а чрез то и его и себя

в посмеяние приводить). Да кто б и безсовестен быть мог подобными игрушками в крайнее нам обоим предосуждение шутить. Не говоря о маиоре Беттигере, которому и без того, как по свойству, так и потому, что он при мне по имянному Ея Императорского Величества указу определен и у меня в команде находится, так поступать не возможно. Колми ж еще паче в толь непозволенную насмешку заводит, такую персону, каков господин генерал-порутчик Вертерн, и о котором случай я имею знать, что он никогда пьяницей не бывал и не есть. Но паче репутацию искуснаго и разумнаго генерала имеет. И за то сюда в службу рекомендован, так что Ея Сиятельство княжна Анна Сергевна, конечно, много ошибается, когда ево несходственным ему именем называет и обижает. Хотя его тем какжется и для того пощадить надлежало б, что он мне приятель и что по меньшей мере на тот раз у меня гостем был.

Сверх же того и какая бы кому полза была сына моего подпаивать и чрез то ево здоровье вредить, а особливо маиору Беттигеру, как такому {человеку}, которой хотя мне по жене и свой, но как иноземец и иноверец ни в какое время никакого участия в моем и в сыновнем наследстве иметь не может. Со всем тем, Ея Сиятельство подобным о тебе заступлением, какжется и тебе самому немного чести делает, когда говорить изволит, что тебя нарочно поят и когда дело знакомое, что нарочно поить можно толко шутов, дураков, сумасшедших и {самых} пьяниц. А особливо, когда Ея Сиятельство и не в один (последнии) раз бытности у меня, но и в некоторые прежние, конечно, приметило, что за столом у меня ни я, ни кто другой {никого} пить не неволит и что никто пьяной не бывает. Но что напротив того, ты сам не токмо за столом напиваешься, но когда после обеда компания обыкновенно в сад прогуливатца ходит, ты гораздо после и болше уже пьяной приходишь, как и в самом деле подобные промежутки один у шинка в зале препровождаешь, утоляя известную и без того всем несносную твою жажду и в чем я на весь мой дом ссылаюсь.

Но сколько мне вышепомянутые нарекании не чувствителны и оскорбителны, а особливо тем, что Ея Сиятельство княжна Анна Сергеевна Долгорукова никакого права не имеет подобные формальные выговоры мне делать, однакож, я, ненавидя ссоритца, оные в своем месте оставляю, и упомянул тебе не в на супротивную жалобу на Ея Сиятельство, но токмо для точнова объяснения всех обстоятельств, и что все {сие}, единственно, от твоих лжей и оклеветаней происходит.

Да в том и сумневатца нелзя. Когда ты и на самое Ее Сиятельство в доме у меня некоторым посторонним людем, сверх жалоб, что ты у ней и рюмки почти хорошаго вина не видишь, разные клеветы несешь. Даже до того, что тем же персонам и мне самому сказывал, бутто она старается и подскивает взять с тебя запись или крепость на мое имение в ползу твоей невесты на полтора ста тысяч рублей. Чему, однакож, я не верю тем меньше, что подобная запись или крепость, или же какое обязательство на чужое имение отнюдь действительно быть не может. А на всякой случай, я тебя в сем твоём (против меня) злом поползновении родителским подлинно действительным проклятием заклинаю.

Между тем, все сии твои непрерывно мне оказуемые озлобления {и} взводимыя на меня оклеветании и злословии натурално истощевают уже всю мою остальную терпеливость. Так что прогневал бы я самого Господа Бога, естли б оные более сносить стал. Тем паче, что святой же его закон повелевает сына, отца злословящаго, наказывать. А особливо, что ты еще и пред несколькими днями по одной толко ко мне злобе и недоброжелательству новую на меня клевету взвел. И многим здесь в доме у меня людям ра(з)сказывал, якобы я опять с ума сшел, па{д}учая и одного из моих лакеев сию твою басню, (как)бутто им усмотренную, утверждать, и грозя ему, за неисполнение того, наказанием кнута и ссылки в Сибирь. И о чем я тебе недавно при племянниках моих князь Алексее Никитиче Волконском и маиоре Бетгере, и при других посторонних людях со слезами выговаривал, хотя ты толко безчувствителен быть являлся.

Мне потому и не осталось бы уже, как без малейшаго отлагательства, и тотчас принесши на тебя ныне Ея Императорскому Величеству всемилостивейшей нашей государыне горкую жалобу, произвесть над тобою прежнее мое намерение, то есть поступить с тобою по всей строгости божеских и светских прав, також и родительской власти. Даже до того, чтоб тебя проклятию предать и самого моего наследства лишить. Тем паче, что могу {я} не постыдной ответ пред всевидящим дать в истин{н}е всего того, что я частию толко (выше) о тебе изобразил, а наиболше еще умалчиваю.

Толко и в сем случае остатки родительского моего к тебе доброжелательства не допускают меня до подобной крайности, а особливо в разсуждении, чтоб подобным, хотя праведным с тобою поступком совершению нынешняго твоего брачного сочетания препятствия и помешательства не навести.

Но как со всем тем безнадежен, я, чтоб ты и женись, а особливо в надежде иногда на чье либо подкрепление, за тоже не принялся, и чтоб от того меня с печали вовсе не сокрушил и безвременно не уморил, то{го} для предутверждения не без основательных опасений, також и для того, чтоб ты меня более клеветать и поносить не мог, а особливо, якобы тебя в доме у меня нарочно поят, не нахожу я лутчаго способа, как с тобою разойтися. Да еще тем скоряя, что и так скучило уже мне в доме у себя всяких от тебя происходящих сплетней, раздоров и беспокойств видеть.

Наипаче ж, что ты не токмо всегда злейшей ненавистник был и есть всем тем, кто толко мне приятель или к кому я поверенность имею. Но всегда ж стараешься меня с ними ссорить. Как и действительно с некоторыми перессорил и их от меня и от дому моего отлучил. К тому ж и лета твои давно уже требуют, чтоб ты сам свое домостроительство и экономию знал и тем управлять имел. А не о том толко думал, чтоб живучи у меня в доме на готовом, новые долги делать. И тем вновь меня разорять. А того паче, почитать

меня в своем деле твоим управителем или самым трактирщиком в разсуждении, что ты ни о чем никогда не заботишься, а толко всего спрашиваешь.

И так по сим справедливым уважениям и для избежания подобных для меня на старости несходствен и беспокойств, сколько мне натурално разлучение с тобою, а паче з будущею моею дражайшею невес(т)кою княжною Анною Петровною, ни жалостно, однакож я в необходимости находясь принял твердое и неперменноеП намерение тебя формално от себя отделить, о чем тебе чрез сие и объявляю с присовокуплением и того, в чем точно сей отдел состоять имеет.

А имянно:

1-е. На содержание тебя з будущею твоею супругою и з служителми определяю я тебе сим и чрез сие не из других каких моих деревенских доходов, но {точно} (что) из всемилостивейше пожалованного мне от Ея Императорскаго Величества нынешнего пенсионна три тысячи рублей в каждой год, платимья от меня по прошествии третьей года ж. (А) дабы ты на первой случай всем вдруг обзаводится и дом свой распорядить мог, то за первой год все три тысячи рублей вдруг и вперед тебе.

2-е. К тому в прибавок даю тебе в совершенное и собственное владение и ползование все мои родовые пошехонские вотчины, в которых по последней ревизии девятьсот четырнатцать душ. Да ис пожалованных мне за мои службы подмосковное село Обрасцово з деревнями, в которых сто восемьдесят две души. Итого тысяча девяносто шесть душ, ис которых по поположенному мне окладу, то есть по три рубли на душу бездоимочно, оброку три тысячи двести восемьдесят восемь, да особливо с села Обрасцова за мельницы и рыбные ловли — двести десят {рублев}, итого всего три тысячи четыреста девяносто восемь рублей в год получается.

Не упоминая о других разных угодьях, кои также немалые доходы помещику приносят, и о которых ты после точное объяснение получить можешь. А между тем, знать тебе надобно, что в вышепомянутом селе Обрасцове есть (целой) из Москвы перевезенной деревенной мой дом, в котором и ты со мною на Корфовом дворе жи{ва}л, и которой, естли ты хочешь собрать, и для житья себя тамо построить, велеть {себе} можешь.

А дабы ты точно сими вотчинами ползоваться и какиялибо во оных по твоему разсуждению другие распоряжении тотчас начать мог, то оные со всеми протчими тебе от меня уступаемыми дворовыми людьми за тобою приказным порядком и укреплены будут с выключением толко имеющагося в селе Обрасцове моего конскаго завода и тех дваровых людей, которые к пошехонским вотчинам приписаны, и которые у меня здесь и в Москве находятца. И с запрещением, чтоб тебе оных вотчин по смерть мою не продавать, ни закладывать. Хотя и без того ты знаешь, что пошехонские по заклетию

еще наших предков, {такж} и родителя моего, а твоего деда проданы и заложены быть не могут. Но паче всегда в роде Бестужевых-Рюминых остаются имеют, как {для} того и покойной мой брат, распродав все свое протчее недвижимое имение, из сих деревень своей доли продать не мог. О чем и я тебе не токмо сим под клятвою {ж} подтверждаю, но и во свое время и духовною моею подтверждать буду.

3-е. Для приборов на стол твой даю тебе по две дюжины ножей, вилок и ложек серебряных, (шесть солонок серебряных), две разливные ложки серебряные, две пары ножей с вилками серебряных для разрезывания с двумя лошками (болшими) {для} раскладывания, да шесть шандалов серебряных}. А сверх того (и) известной тебе столовой сервиз с платменажем, порцелинной, саксонской, которой мне от покойного короля полского¹⁰ подарен, и которой тогда в четыре тысячи талеров, да и ныне, и то на {а}укционне с перваго слова в тысячу шестьсот (рублев) (о)ценен был. Хотя не для повсядневного употребления, но паче для случающихся трапез, тем паче, что и другие многие чинами с тобою равные не стыдятся повсядневно на фаянсе кушать.

Что ж касается до столоваго белья, то оного толко часть дается в расуждении, что, конечно, и без того, твоя невеста по обыкновению иметь будет.

4-е. Для услуг твоих, оставляю тебе до времени нынешняго твоего камердинера калмыка. А сверх того даю тебе шесть лакеев в ливрее и два истопника. Да для мытья белья, буде надобно, три женщины.

5-е. Для управления твоего дома и для приказных, а особливо деревенских дел, уступаю тебе прикащика Таласанова со всею ево семьею.

6-е. Для экипажа твоего даю тебе три кареты. В том числе одну богатую французскую статскую з двумя цугами или четырнатцатью лошадми с шорами на них при двух кучерах и двух фореитерах в ливрее и с их семьею.

7-е. Для кухни твоей даю тебе двух исправных поваров с одним учеником с семьею ж их.

8-е. Для снабдения на первой случай твоей кухни (и погреба) дается тебе провизия как съесных припасов, так и вин.

---

¹⁰ Август III (1696— 1763), курфюрст Саксонии и король Польши с 1733 г.

9-е. Для убранства твоего дома на случай, если б в оном мебели недостаточного было, дадутся тебе столы, стулья, канапе, кабинеты и тому подобные, сколько излишних у меня в доме наберется. Также и обои готлисовые.

10-е. Для употребления будущей твоей супруге, даю тебе не только бывшей у матери твоей парцелинной саксонской туалет, которой (ко) мне от покойного короля польского в подарок прислан и которой с лишком две тысячи рублей стоит, но и тот серебряной, позолоченной туалет же, которой, как ты сам знаешь, нарочно мною из Англии чрез барона Вулфа для употребления матери твоей выписан (и помнитца около трех тысяч рублей стоит) с приделанною от меня здесь серебряною ж позолоченною чернил(н)ицею и со всем ее прибором. И наконец.

11-е. Уступаю тебе все после матери твоей оставшееся немалое и знатное белье, то есть рубашки, кружева, богатое и прочее ее платье и наряды, которые ты от меня уже принял.

Вот тот отдел, которым я тебя и будущую твою супругу наградить определил и определяю, и которым ты столь паче доволен быть можешь, (что) . ежегодно получать будешь доходов наличными денгами более шести тысяч рублей, доходы, каких не всякой твоего чина и из достойных и послушных детей имеет.

А особливо, что не останетца тебе сих денег употреблять, как только на наем или на покупку дома, да на содержание оногo и на стол, потому что ты от меня, как выше изображено, не только всем к дому принадлежащим снабден, но, по случаю твоего брачного обязательства, и самым новым платьем, как ты, так и будущая твоя супруга на несколько лет запасены. Не упоминая о тех многих, которые ты и до того имел и ныне еще имеешь. И не упоминая ж о золотых и бриллиантовых вещах, которые также у тебя есть, а особливо о тех, которые уже будущая твоя супруга тысяч на тринадцать рублей от меня получила, (а) с платьем и до дватцети тысяч рублей наберетца. А сверх {всегo} того надобно {еще} быть у тебя и приданному покойной твоей первой супруги, которое с лишком на дватцать тысяч рублей щиталось, и которое все без изъятия тебе оставлено.

К чему за главнейшее дело присовокупить нахожу, что как {что как} есть на тебе вышеизображенным образом собственные долги, а может быть и вновь ты еще нажил и наживаешь, то натурально оные и платит тебе ж надлежит. Тем паче, что сии долги без моей воли зделаны и неведомо, на что употреблены. Так что мне до них ни малейшагo

дела нет, (и) никогда не будет и быть не может. Доволно, что я и так уже выше показанным (же) образом сих беспутных и мотовских твоих долгов, не говоря о прежних, с возвращения толко из неповинного (моего) заключения по ныне десять тысяч семьсот тритцать девять рублей заплатил, и что также за мать твою платежа ее долгов заимодавцы ожидают.

Да что еще взял и беру я на себя заплатить же, как и те шесть или восемь платьев, которые ты к зговору и к свадьбе своей себе зделать (и на то толко до тысячи рублей употребить) у меня выпросил, так и те платья ж, разные уборы и кровать с постелею и з занавесом, которые я для невесты твоей также зделать и на все то до трех тысяч рублей употребить позволил. Хотя, несмотря на то присланные сим вещам за ее подписанием щеты уже гораздо сию сумму превосходят и которые я уже заплачу, но не потому чтоб обязан был, а толко для изъявления моего в том снисхождения. Так что, естли что либо и за сими щетами на невесту твою взято, оное до меня уже совсем не принадлежит.

Таким образом, объявля вышепоказанное непременно мое намерение, родительски приказываю тебе сим и чрез сие по совершении здесь на Каменном Носу твоей свадьбы, и по окончании всех церемоней, прямо отсюда, и не перебираясь в Санкт-Петербургской (мой) дом, переехать на собственную свою квартиру. Чего для надлежит тебе старание приложить, как дом себе поскорее нанять приискать, так и другие к тому принадлежащие распоряжению зделать. Тем паче, что с одной стороны до основания твоего собственного дома натурално и свадьба твоя совершена быть не может, {а с другой — к здешнему летнему пребыванию немного уже времени остается. В городском же моем доме и бес того тесно и беспокойно. Следовательно, для тебя с будущею твоею супругою удобного места нет и зделано быть не может}...

За сим остается мне, как родителю, по случаю настоящего твоего отдела и разлучения со мною, все усердно желать тебе обще з будущею твоею супругою не толко долголетнего совершенного здоровья, но и всякого благополучия с приращением твоего потомства. А между тем, и по правления в твоём поведении и поступках. Тем паче, что естли ты не будешь памятовать Бога и его святых заповедей исполнять, но прежним своим поведением продолжать, а паче свои дела на лжах, клеветах и лжеславиях, как на мнимых твоих хитрых, но в самом деле пагубных правилах, которых весь свой век последы(вы)вал, по прежнему ж осно(вы)вать станешь, то всеконечно себя не толко моего родительского благословения, но и самой праведной гнев Божий на себя навлечешь. Так что я в сем случае желал бы лживым пророком быть, что по моей кончине, а иногда еще и при мне по малой мере посажен ты будешь в монастырь под начал.

К чему прибавить нахожу, что хотя по разлучении твоём со мною дом мой тебе не токмо не запрещаетца, но паче охотно я тебя во оном у себя всегда и во всякое время, а особливо к обеду и ужину, видеть желаю. Но как я твоих и злословей на меня опасатся

притчину имею, то приказываю тебе родительскою властью отнюдь не одному, но обще с будущею твоею супругою ко мне ездить, дабы во всяком случае она свидетелницею твоих поступков быть могла.

В протчем, естли ты иногда покусишься по прежнему примеру с сего писма моего несходственныя копии или выписки своим приятелем роздавать или же толко развратно толковать, то будь уверен, что не оставлю того {ж} часа не токмо, где надобно точные копии сообщить, но и в самом высочайшем месте з жалобою на тебя о том учинить.

Между тем, однакож, (всего) лутчаго тебе желая и от тебя ожидая пребываю, твой доброжелательный отец.

Подписано — Г{граф} Алексей Бестужев Рюмин

В Каменном Носу

31{-го} августа 1765 году.

Что я подлинное писмо ко мне милостиваго Государя моего родителя графа Алексея Петровича Безтужева Рюмина от 31{-го} августа 1765 году за его подписанием из рук его {сего числа} принял, что во оном родительским ево обо мне определением и данным в отдел награждением благодарен, что предписанную мне во оном же родительскую ево волю и повеление точно и немедляно исполнить не премину, и что, наконец, сия копия с вышепомянутого писма в присутствии моем с подленником прочтена и во всем содержании сходна, оное все чрез сие моим подписанием свидетелствую и утверждаю. В Каменном Носу 2{-го} числа сентября пред полуднем 1765 года.

Подписано – «Граф Андрей Бестужев Рюмин».